

утворюється в результаті співвіднесення двох попередніх значень із конкретною ситуацією спілкування через призму інтенції мовця у плані виконання певної мовленнєвої дії» [5, с. 11], у вищому ступені семантичної дифузності номінації під час вторинного відтворення мовної картини світу, напр.: *Die Trauben sind noch zu grün* [12, с. 589] – досл. «виноград є ще зеленим». У переносному значенні вираз означає «рано братися за якусь справу або щось починати». Ця ФОККНКС дає поштовх до утворення нового виразу за рахунок субституції компонентів *ein Ding zu grün angreifen*, де КК *grün* символізує «розквіт природи».

Національно-культурно забарвлені фразеологізми мають значно вищий ступінь сполучуваності компонентів, що характеризує їх цілісність. А наявність національно-культурної фонові інформації у їх семантики формується внаслідок інтелектуально-емоційного засвоєння явищ реальної дійсності під впливом інтра- й екстралінгвальних чинників, напр.: *mit goldener Lanze hebt man den stärksten aus dem Sattel* – «золотим списом можна вибити найсильнішого з сідла». Вираз характеризує підкупне судочинство та асоціюється з лицарськими турнірами XVII ст., де *Lanz* означає «спис». ФОККНКС також існує в еліптичній формі та в переносному значенні: *mit silbernen Lanzen fechten* – «відкупити когось», «дати хабара» [12, с. 928].

Здатність фразеологізмів на відміну від слів до символічного переосмислення, засвідчує вищий ступінь фразеологічної абстракції, є ознакою національно-культурно зумовленої ситуації, яка визначає колоритні властивості цієї групи стійких виразів. Важливою ознакою ФОККНКС є яскраво виражена функціонально-стилістична характеристика. Вони виконують у мові не лише номінативну, а й експресивну або номінативно-експресивну функцію, напр.: *die Wiese ist grün* – «пасовище є зеленим». Цей вислів є цілком прагматично ідіоматичним. Він уживається в розмовній мові в переносному значенні («справа йде добре») також у спонукальній конструкції, висвітлюючи погрозу: *dann ist die Wiese grün!*, що означає «Термінню кінець!», «Терпець урвався». Образно-мотиваційною основою для утворення вислову слугувала ситуація: зелене пасовище – це добре для сільського господарства та тваринництва. У сучасній розмовній мові в переносному значенні означення *grüne Wiese* вживається стосовно чогось нового, що чітко відображається у фразеологізмі *etw. auf der grünen Wiese errichten: etw. neu schaffen* [12, с. 1728] – досл. «створювати щось нове». ФОККНКС *grüne Wiese* бере свій початок ще з XVI ст. та продукується ще й сьогодні особливо стосовно супермаркетів, які *auf der grünen Wiese errichtet werden (wo der Boden billig u. reichlich Platz zum Parken vorhanden ist)* [12, с. 1728], що пов'язано з необробленими територіями, які дешево здаються в оренду або продаються для будівництва. НКС вислову виявляється в полісемантиці переносного значення «Справа є молодою, новою» через символічне значення КК *grün* «новий, молодий» та «справи йдуть добре» через ідіоматичність цілого фразеологізму, який уживається в розмовній мові для підсилення художньої образності.

Отже, ФОККНКС є функціонально комплексним явищем, багатшою за лексичну одиницю як у комунікативному, так й інформативному планах. Фразеологічне значення ФОККНКС полягає в символічному осмисленні значення кольору як компонента та формується на основі сполучення денотативно-сигніфікативного та конотативного блоків значення.

Виконане дослідження має перспективи подальшого розвитку. Перспективним вбачається лінгвокультурологічний аналіз досліджуваних одиниць крізь дискурсну аспектуалізацію у процесах фразотворення.

Література

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 349 с.
2. Жуков А. В. Переходные фразеологические явления в русском языке. – Новгород, 1996. – 132 с.
3. Коробка П. Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 156 с.
4. Мисенева В. В. Генезис образности фразеологических единиц, не имеющих соответствий в системе слов // Вісник ХДУ ім. В.Н. Каразіна. Серія Філологія. – 2004. – Вип. 39. – № 607. – С. 186-189.
5. Прутчикова В. В. Семантико-функціональні особливості німецьких висловлень-прислів'їв: Автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Х., 2003. – 20 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 144 с.
8. Burger H. Phraseologie. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1998. – 224 S.
9. Palm Ch. Phraseologie. Eine Einführung. 2. Aufl. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 1997. – 130 S.
10. Pilz K. D. Phraseologie: Redensartenforschung. – Stuttgart, 1981. – 170 S.
11. Duden 11. Redewendungen. 2., neu bearb. u. aktual. Auflage. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag, 2002. – 955 S.
12. Röhrig L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 3. Aufl. – Freiburg. Basel. Wien: Verlag Herder, 1994. – 1910 S.

Зубкова Л. Г.

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЯЗЫКОВ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

Квантитативная типология языков в ее истоках не учитывала ни функциональные разновидности языка, ни функциональную специфику классов слов. Различия в стиле текстов были сочтены несущественными во многом потому, что рассматривалось «слово вообще» независимо от содержательных свойств, в первую очередь категориальных [5].

К настоящему времени становится все более очевидным, что целыносистемное типологическое описание языка не может ограничиваться ни «языком вообще» без обращения к его функциональным разновидностям, ни «словом вообще», ни одним только соотношением служебных и неслужебных слов безотносительно к системе семиологических классов слов в целом. Фундаментальное значение для типологии слова имеет такой типологический параметр, как распределение и соотношение в текстах важнейших функциональных разновидностей (ориентированных, по В.В. Виноградову [3], на общение, сообщение, воздействие) основных классов словесных знаков: назывных (идентифицирующих и характеризующих), указательно-заместительных (дейктических) и связочных, т. е. собственно-знаменательных слов (из них в первую очередь имен существительных и глаголов), местоимений и служебных слов.

В настоящей статье обобщаются предварительные результаты исследований указанного типологического параметра, выполненных под руководством и при непосредственном участии автора ее учениками [1, 2, 4, 6, 7, 10, 12, 14, 15] на материале генетически и типологически различных языков – китайского, йоруба, уйгурского, хакасского, бурятского, английского, армянского, русского, арабского.

В основном анализировались устные и письменные художественные тексты (как оригинальные, так и переводные). Устные художественные тексты (далее УХТ) представлены народными сказками, письменные (ПХТ) – отрывками из произведений А. П. Чехова, У. Сарояна, Л. Кэрролла. На материале русского, английского и бурятского исследовались также научные тексты (НТ). Объем текстов от 500 до 1300 слов. Текстами большего объема представлены исследованные Е.Н. Поповой [12] функциональные разновидности русского языка: разговорная речь (см. [13]) – ≈ 23000 слов, язык художественной литературы (повести В. И. Белова) – ≈ 7000 слов, функциональный стиль, в данном случае научный (глава из [11]) – ≈ 17000 слов.

Начнем с соотношения знаменательных и служебных слов. Их неразличение справедливо считается важнейшим недостатком типологии Дж. Гринберга [8, с. 37]. Когда же в качестве первого содержательного параметра слова это различие было введено (путем исчисления частоты либо обоих указанных классов [9], либо только служебных слов – в виде индекса аналитичности [8]), исследователей постигло некоторое разочарование относительно типологической значимости данного разделения, в том числе в диахроническом аспекте. Оказалось, например, что «различие между аналитическими и синтетическими германскими языками не простирается на использование служебных и неслужебных слов», и в частности редукция падежных форм не может быть объяснена компенсирующим развитием оборотов с предлогами [9, с. 165]. Малопригоден индекс аналитичности и для различения изолирующих и флективных языков. Правда, его можно как будто бы использовать для противопоставления агглютинативных языков изолирующим и, что особенно важно, флективным, поскольку агглютинативные языки обладают наименьшей аналитичностью [8, с. 315].

И по нашим данным, реже всего служебные слова представлены в агглютинативных языках: в уйгурской сказке их 6,8%, в хакасской – 8,4%, в бурятской – 8,3%. В других исследованных языках индекс аналитичности гораздо выше – в пределах от 20,8% до 37,5%. Максимальные значения индекса аналитичности имеют, с одной стороны, самый аналитичный английский язык, а с другой – самый синтетичный арабский. Так, в литературно-художественном тексте на английском языке служебные слова составляют 33,2%, на арабском – 32,6%.

В остальных языках индекс аналитичности оказывается в диапазоне, характеризующем употребление служебных слов в разных русских текстах. Наибольшим показателем аналитичности – за счет высокой нагрузки частиц – отмечена русская разговорная речь: в ней на служебные слова приходится 28,4% всех слов. Но столько же их – 28% – и в китайской народной сказке. В литературно-художественных текстах и в сказке на русском языке частота служебных слов несколько снижается – до 26,7%, 26,5%, 25,6%, а в переводах – до 23,1%. Аналогично этому в армянском художественном тексте насчитывается 25% служебных слов, а в народной сказке на йоруба – 23,6%. Наконец, в русской научной речи индекс аналитичности падает до 20,8%, в основном вследствие ограниченного употребления частиц. Таким образом, в диапазон варьирования частоты служебных слов во флективно-синтетическом русском языке попадает не только армянский язык (дальний родственник русского, во многих отношениях сходный с ним типологически). В этом диапазоне оказываются также изолирующие языки – китайский и йоруба.

Отсюда следует, что в отсутствие строгой корреляции с типом языка индекс аналитичности, а значит, и соотношение служебных слов со знаменательными, по-видимому, зависят от характера текста, причем эта зависимость может по-разному проявляться в разных языках. Если в русском языке научный текст в отличие от народной сказки и литературно-художественных текстов имеет самый низкий индекс аналитичности, то в английском и бурятском научный текст превосходит художественные по величине данного индекса, равной соответственно 37,5% и 15,7%. Таким образом, сравнительно с художественными текстами в научном стиле разрыв между флективно-синтетическим русским языком и аналитическим английским увеличивается, а между русским и агглютинативным бурятским сокращается.

Значимость функционально-стилистических различий подтверждает сравнение текстов газетно-публицистического и обиходно-бытового характера, проанализированных ленинградскими учеными [8]: в газетных статьях, в книжной речи больше служебных слов, чем в разговорной речи. Эта закономерность прослеживается в языках различных типов: в суахили, хинди, урду, бирманском, вьетнамском и особенно ярко в индонезийском.

В полной мере вопрос о влиянии характера текста на соотношение знаменательных и служебных слов может быть разрешен лишь в результате систематического исследования языков различных типов в их функциональных разновидностях. Но, судя по данным английского и русского языков, на материале которых было исследовано большое количество текстов, ограничение бинарным противоположением знаменательных и служебных слов явно недостаточно, прежде всего вследствие функционально-семантической неоднородности класса знаменательных слов, включающего в себя собственно-знаменательные и указательно-заместительные слова (местоимения).

Если ограничиться противопоставлением знаменательных и служебных слов, то в русском языке разговорные и художественные тексты (РТ и ПХТ) с этой точки зрения практически не различаются. Если же разграничивать собственно-знаменательные слова и местоимения, то РТ и НТ различаются частотой всех трех семиологических классов, РТ и ПХТ – частотой собственно-знаменательных слов и местоимений, ПХТ и НТ – частотой собственно-знаменательных и служебных слов, и только УХТ и ПХТ не обнаруживают существенных различий между собой. В НТ наблюдается наибольшая сравнительно с другими функциональными разновидностями языка частота собственно-знаменательных слов и наименьшая частота служебных слов. В РТ имеет место наименьшая частота собственно-знаменательных слов и наибольшая частота местоимений, а также служебных слов. Художественные тексты ввиду их многостильности занимают промежуточное положение, причем по частоте собственно-знаменательных слов и особенно местоимений они ближе к НТ, а по частоте

служебных слов – к РТ. Ср. частоту знаменательных (I), собственно-знаменательных (II), местоименных (III) и служебных слов (IV) (%):

	I	II	III	IV
РТ	71,1	49,6	21,5	28,9;
ПХТ	73,5	64,0	9,5	26,5;
УХТ	74,4	66,1	8,3	25,6;
НТ	79,2	70,9	8,3	20,4.

Тексты одной функциональной разновидности, например литературно-художественные, почти не различаясь по соотношению знаменательных и служебных слов, могут заметно расходиться по соотношению собственно-знаменательных слов и местоимений. Так, в повестях В. И. Белова сравнительно с рассказом А. П. Чехова при одинаковой частоте служебных слов (26,5% и 26,6%) больше собственно-знаменательных слов (64% против 58%) и меньше местоимений (9,5 % против 15,4%). В рассказе У. Сарояна представлено: 51,9% собственно-знаменательных слов, 14,9% местоимений, 33,2 % служебных слов. В отрывке из повести-сказки Л. Кэрролла частота тех же классов равна соответственно 42,2%, 21,3 % и 35,5%. Снижение частоты собственно-знаменательных слов и повышение частоты местоимений во втором тексте обусловлены его диалогическим характером.

При сравнении текстов разных функциональных разновидностей обнаружен и такой вариант, когда при близкой частоте собственно-знаменательных слов тексты различаются соотношением местоимений и служебных слов. Так, в бурятской народной сказке местоимения и служебные слова имеют почти одинаковую частоту – 8,1% и 8,3%. В научной статье на бурятском языке местоимений в 4 раза меньше, чем служебных слов (3,9% против 15,7%).

Влияние типа языка на соотношение в тексте семиологических классов слов хорошо видно при сравнении оригинальных текстов с переводными. При переводе с английского на армянский рассказа У. Сарояна «Нарту» относительная частота собственно-знаменательных слов возрастает с 51,9% до 60%, а частота служебных слов сокращается с 33,2% до 24,8%. Сходным образом при переводе с английского на русский повести-сказки Л. Кэрролла «Through the Looking-Glass» увеличивается частота собственно-знаменательных слов – с 42,2% до 51%, уменьшается частота служебных слов – с 35,5% до 23,6%. Частота местоимений в оригинальных текстах и в переводах практически совпадает.

При переводе народных сказок с тюркских языков – хакасского и уйгурского – на русский частота собственно-знаменательных слов, напротив, падает – с 81% до 61,7% и 68,6%, тогда как частота служебных слов поднимается втрое – с 8,4% и 6,7% до 23,1% и 23,6%.

При переводе с русского на арабский рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» частота собственно-знаменательных слов не меняется – 58% и 58,1%, зато повышается частота служебных слов (за счет предлогов и союзов) с 26,6% до 32,6% и снижается частота местоимений с 15,4% до 9,3%, поскольку в их число не включаются так называемые слитные местоимения, выступающие в арабском в качестве энклитик-постфиксов глагола или имени.

В общей иерархии частей речи обычно лидируют имена существительные и глаголы, т.е. идентифицирующие и характеризующие знаки, причем первый ранг чаще всего принадлежит существительным.

Исключения связаны с устной формой речи и ее функциональной направленностью. В устных художественных текстах, где доминирует функция воздействия, глаголы – характеризующие знаки – по частоте употребления сближаются с существительными и могут даже преобладать над ними, как в хакасской и английской народных сказках. В реализующих функцию общения диалогических текстах (и в записях русской разговорной речи, и в отрывке из повести-сказки Л. Кэрролла) на первое место выходят местоимения, а существительные опускаются на третье место и ниже.

Помимо характера текста частота и ранги базовых частей речи зависят и от типа языка. Не случайно в текстах одного жанра – и в народной сказке, и в научной статье – частота существительных в агглютинативных языках в два с лишним раза выше, чем в аналитическом английском. Ср. частоту существительных и глаголов в народной сказке: в уйгурском языке – 40% и 32,7%, в бурятском – 33,2% и 30,6%, в хакасском – 36,5% и 29,3%, в китайском – 28,8% и 20%, в русском – 28,2% и 27,5%, в йоруба – 24,3% и 20,9%, в английском – 17,2% и 18,4%; в научной статье: в бурятском – 45,8% и 18%, в русском – 35,9% и 13,5%, в английском – 21,3% и 12,7%. Нетрудно заметить, что в научной статье перевес существительных над глаголами значительнее: сравнительно со сказкой частота существительных в статье выше, частота глаголов ниже.

По соотношению прилагательных и наречий, насколько позволяют судить русские и английские тексты, наиболее противопоставлены научный стиль и разговорная речь, в том числе стилизованная, как в повести-сказке Л. Кэрролла. В научном стиле прилагательные встречаются в два-три раза чаще наречий, что согласуется с резким преобладанием существительных над глаголами. В разговорной обиходно-бытовой речи и в диалогической художественной речи, где глаголы преобладают над существительными, соответственно и наречия преобладают над прилагательными. В английских художественных текстах (устных и письменных) чаще употребляются прилагательные, в русских – наречия.

В художественных текстах одного жанра возможно разное соотношение прилагательных и наречий. Так, в народных сказках в английском и особенно в уйгурском преобладают прилагательные, в китайском и особенно в русском – наречия, в хакасском, бурятском и йоруба прилагательные и наречия одинаково частотны.

На употребление служебных частей речи существенно влияет противоположение текстов по признаку устный/письменный. В русских письменных текстах – и в научном, и в художественных – самый высокий ранг среди служебных слов принадлежит предлогам, далее следуют союзы и частицы. В устном художественном тексте первенствуют союзы, потом идут предлоги и частицы. Наконец, в разговорной речи частицы резко доминируют над предлогами и союзами.

Сходным образом и в английских письменных текстах, особенно в научном, самой частотной служебной частью речи являются предлоги, тогда как в УХТ наиболее употребительны артикли. В каждом типе текстов выстраивается своя иерархия служебных слов (в порядке убывания частоты употребления): в ПХТ – предлоги, союзы, артикли; в НТ – предлоги, артикли, союзы; в УХТ – артикли, союзы, предлоги. Замыкают ряд во всех типах текстов частицы.

В текстах одного жанра возможны межъязыковые различия в употреблении служебных слов: в бурятском, хакасском, китайском среди служебных слов лидируют частицы, в йоруба и русском – союзы.

Исчисление коэффициентов ранговой корреляции Спирмэна в разных типах текстов позволяет оценить степень текстовых различий по распределению частей речи. С наибольшей достоверностью зависимость распределения частей речи от характера текстов может быть показана на примере русского языка, так как в нем на материале текстов большого объема исследовались все три функциональные разновидности: разговорная речь, язык художественной литературы в устной и письменной форме и научный стиль.

Как и следовало ожидать, самый высокий коэффициент корреляции (+0,9) между устным и письменным художественными текстами, т. е. между текстами одной и той же функциональной разновидности языка. Ниже коэффициент корреляции обоих художественных текстов, особенно устного, с научным текстом (+0,73, +0,7). Еще ниже коэффициент корреляции обоих художественных текстов и научного с разговорной речью. При этом устанавливается следующая иерархия: разговорная речь обнаруживает среднюю существенную корреляцию с письменным художественным текстом (+0,52), малую с устным художественным текстом (+0,36) и низкую с научным текстом (+0,15). Итак, наибольшие различия в распределении частей речи наблюдаются между такими функциональными разновидностями языка, как разговорная речь и научный стиль.

Ясно, что квантитативная типология языков, удовлетворяющая требованиям адекватности исследуемому объекту, не может не учитывать указанные различия при анализе любого языка.

Источники и литература

1. Айюб Рима Сабе. Двойное членение частей речи в языках с развитым морфологическим строем (на материале арабского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 246 с.
2. Бада Медар Доминик. Соотношение звуковых и значащих единиц в языках с различным морфологическим строем: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 410 с.
3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981. – 320 с.
4. Говорушкина М.В. Морфемная структура слова в английском и русском языках в категориальном и типологическом аспектах: Дипломная работа. – М., 2004. – 126 с.
5. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963. – С. 60-94.
6. Иванова А. Г. Морфемная структура английского и бурятского слова в текстах разных функциональных стилей // Функциональная лингвистика. Итоги и перспективы. – Симферополь, 2002. – С. 87-89.
7. Иванова А. Г. Типологические особенности морфемного строения слова в китайском, английском и бурятском языках // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. – Владимир, 2003. – С. 82-84.
8. Квантитативная типология языков Азии и Африки. – Л., 1982. – 331 с.
9. Кубрякова Е. С. Морфологическая структура слова в современных германских языках // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. – М., 1970. – С. 104-181.
10. Машуров Д. А. Соотношение морфемы, слога и фонемы в языках различных типов (на материале русского и уйгурского языков): Дипломная работа. – М., 1995. – 65 с.
11. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 376-413.
12. Попова Е. Н. Соотношение морфемы и слога в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 272 с.
13. Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978. – 306 с.
14. Саркисян Л. В. Морфемное строение и звуковая форма английского и армянского слова в категориальном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 370 с.
15. Черыкова Д. В. Морфемная и слоговая структура слова в русском и хакасском языках: Дис. ... магистра филологии. – М., 2001. – 91 с.

Зюзькіна Г. М.

МОРФОНОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ІМЕННИКІВ НА *-аж*

Питання збагачення мови іншомовними словами розглядається в багатьох дослідженнях, присвячених змінам в її лексичному складі. Серед них слід виділити роботи О. Потебні, І. Огієнка, С. Семчинського, Ю. Жлуктенка, Л. Лисиченко, О. Муромцевої, О. Ахманової, Ю. Сорокіна, Е. Хаугена, У. Вайнрайха. Значущість процесу запозичення іншомовної лексики в українську мову привернула увагу багатьох дослідників в останнє десятиріччя ХХ ст. Зокрема, освоєння іншомовних запозичень у наукових терміносистемах досліджують О. Лисенко, Г. Сергєєва; питання словотвірного освоєння запозичень є об'єктом вивчення С. Рижикової, Л. Чурсіної. Д. Мазурик, О. Стишов і О. Тодор розглядають запозичення слів як ефективний сучасний спосіб збагачення лексичного складу мови; лексико-семантичну рецепцію іншомовних слів в українській мові аналізує В. Симонок. Однак проблема морфонологічної адаптації слів з іншомовними основами, зокрема іменники на *-аж*, залишається актуальною, оскільки в українстиці відсутні системні дослідження про словотвірну морфонологію дериватів з іншомовними основами.

Мета статті – з'ясувати особливості процесу формування суфіксального статусу елемента *-аж*; розглянути проблеми членування слів на *-аж*; дати структурно-семантичну характеристику і визначити особливості словотвірної та морфонологічної адаптації запозичень даного типу.

Матеріалом дослідження слугують 114 похідних на *-аж* та їхні мотиватори, які отримано способом суцільного добору з «Великого тлумачного словника сучасної української мови» (далі ВТС) та «Словника іншомовних слів».

Саме словотвірна та морфонологічна адаптація іншомовних слів, що знаходить вияв насамперед в утворенні системних словотвірних та мотиваційних відношень, як із питомими, так і з спільнокореневими одночасними або різночасними запозиченнями, є ознакою найбільш вдалої асиміляції в мові-реципієнті. Наслідком цього може бути розвиток у запозиченого слова похідності та членування різного ступеня в мові-реципієнті, при цьому структура слова може як збігатися, так і не збігатися зі структурою етимона в мові-джерелі.